

ЛЖЕНАУЧНЫЕ ТЕОРИИ РЕАКЦИОННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СССР

С. С. Волк, А. Р. Дзенискевич

Июньский Пленум ЦК КПСС поставил перед советскими историками задачу развернутого наступления против буржуазной идеологии. Особое внимание Пленум обратил на «необходимость повышать политическую бдительность против идеологических диверсий империализма, против его попыток идейно и морально разоружить советских людей»¹. Важнейшей задачей советской исторической науки наряду с утверждением неоспоримой правоты марксистско-ленинского учения о развитии общества, а также всесторонним освещением героических подвигов и гигантского опыта советского народа в коммунистическом строительстве является разоблачение дезинформации и клеветы идейных оруженосцев реакции, отпор любым попыткам развенчать идеи коммунизма, подорвать доверие народов к первому социалистическому государству как оплоту мира и прогресса во всем мире.

Империалистические круги Запада делают все, чтобы оградить трудящихся капиталистических стран от идей коммунизма, которые успешно претворял и претворяет в жизнь наш народ. Достижения социалистического государства в области народного хозяйства, науки и культуры, социальные завоевания советского народа, успехи СССР на международной арене служат убедительным доказательством преимуществ советского строя, с каждым годом усложняя задачу пропагандистских институтов империалистических государств. Куда легче было в прошлом высмеивать «фантазии» русских коммунистов о счастливым будущем нищей, разрушенной страны, чем скрыть от трудящихся масс капиталистических государств успехи социалистической индустриализации, победу над фашистской Германией или блестящие достижения советской науки в освоении космоса. И каждый раз, когда новые достижения Советского Союза усиливают интерес трудящихся масс всего мира к настоящему и прошлому социалистического государства, реакционные империалистические круги Запада поднимают новую волну антисоветской пропаганды, направленную на то, чтобы скрыть истинные причины успехов Советского Союза. В деятельности этого рода одно из первых мест принадлежит реакционному флангу буржуазной историографии и публицистики, «теории» и методы которых, как мы увидим ниже, вызывают зачастую протест даже среди некоторых буржуазных историков.

Способы и «теории», при помощи которых искажается прошлое и настоящее нашей Родины, столь разнообразны, что нередко противоречат друг другу. Однако все они в конечном счете объединяются одним стремлением — отвергнуть марксистское учение о классовой борьбе, о неизбежной всемирной победе социалистического строя над капиталистическим. Отсюда неизменное стремление представить СССР как страну, издавна коренным образом отличавшуюся от стран Запада, страну,

¹ «Об очередных задачах идеологической работы партии». Постановление Пленума ЦК КПСС. «Правда», 22 июня 1963 года.

исключительную по «таинственным качествам» ее народа. Объясняя победу социалистической революции в России «мистическими свойствами» «загадочной русской души», буржуазные идеологи стремятся доказать неприемлемость идеалов коммунизма для Запада. Всячески стараясь подтвердить эту выдумку, они наделяют русский народ самыми отрицательными чертами, прошлое России изображают как «сплошную тиранию и варварство»², а советский строй выдают лишь за новейшую форму якобы исконно национальной государственной системы, традиции которой восходят чуть ли не к византийской монархии и монголо-татарскому игу.

Под множеством всевозможных трактовок русской истории неизменно скрывается главное — отказ от признания объективных законов исторического процесса и замена этих законов причинами субъективного характера. В тех случаях, когда успехи социалистического государства невозможно обойти молчанием, постоянно используется если не отрицание самих успехов, то, во всяком случае, попытка отрицать связь между достижениями Советского Союза и социалистическим строем, их породившим.

Минуло уже 46 лет, как революционная буря в корне изменила государственное устройство России, нет в ней ни капиталистов, ни помещиков, ни царей, но враги мира делают вид, что на востоке Европы чуть ли не все осталось по-прежнему. Пользуясь плохой осведомленностью многих людей Запада о жизни Советского Союза, глашатаи империалистической реакции в течение последних лет упорно распространяют миф о «русской угрозе». На эту тему появляются все новые и новые книги и статьи. «В последние годы,— писал небезызвестный «советолог» А. Даллин в предисловии к книге Райта Миллера,—наблюдается грибной дождь американских писаний о России»³. Авторы этих писаний сеют клевету, пытаются возбудить ненависть и подозрение к стране социализма.

Разоблачение этих «теорий», разжигающих вражду и недоверие между народами, имеет большое значение особенно сейчас, когда наша страна добивается новых успехов в своей политике мирного сосуществования и завоевывает все большие симпатии народов мира своей миролюбивой внешней политикой. Сегодня подобные «теории» реакционной буржуазной историографии — значительная поддержка американских «бешеных», западногерманских реваншистов и остфоршеров, французских реакционных политиканов.

Героическая борьба советского народа против фашистской агрессии вызвала новую волну симпатий трудящихся всего мира к нашей стране. Миллионы простых людей Европы и Америки с волнением следили за исходом титанической битвы. В первую годовщину начала Великой Отечественной войны американские рабочие штата Огайо писали рабочим Москвы: «Мы обещаем вам, что население штата Огайо окажет полную поддержку открытию второго фронта... ваша борьба за освобождение человечества превосходит все, что знала до сих пор история. От имени американского народа мы обещаем вам отдать силы нашего народа, наши жизни и наши ресурсы, а также бороться бок о бок с вами как свободные люди с целью стереть фашизм с лица земли»⁴.

Исключительный рост авторитета Советского Союза после окончания второй мировой войны усилил тревогу империалистических заправил Запада. На горячее стремление трудящихся капиталистических стран познакомиться с поучительнейшими революционными идейными

² «The Russian Review», 1960, № 1, p. 68.

³ W. Miller. Russians as People. New York. 1961, p. 5.

⁴ Центральный архив ВЦСПС, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 1.

традициями русского народа идеологи буржуазии ответили развертыванием беспрецедентной по масштабу антисоветской кампании. Для маскировки военных приготовлений и оправдания своей враждебной в отношении СССР внешней политики реакционные политические деятели Запада уже в 1945—1947 гг. стали с притворным ужасом кричать о «советской угрозе». Сколачивая агрессивные блоки и союзы, они старались привить трудящимся вражду к Советскому Союзу. Еще в начале 1946 г. на деятельность этого рода указал бывший американский посол в СССР адмирал У. Стендли. «Бесчестные элементы,— заявил он,— действующие в США, стремятся вызвать подозрения в отношении России»⁵.

С конца 40-х годов поток буржуазной литературы по истории СССР заметно усилился. Значительную часть ее составляла откровенная антисоветская пропаганда, на все лады стремящаяся оклеветать советский народ, извратить прошлое и настоящее нашей Родины. Понимая запросы руководителей монополистического капитала, работая нередко по прямым заданиям военных учреждений США, с помощью субсидий из известных фондов Рокфеллера, Карнеги, Форда и других миллиардеров, реакционные буржуазные историки и публицисты принялись за «исследование» русского прошлого с целью найти в нем «примеры», которые могли бы уверить широкие круги трудящихся в «русском природном варварстве», в якобы присущих России во все времена экспансионистских замыслах. Западному читателю стали систематически преподноситься фантастические домыслы о «тайных» и «опасных» инстинктах «русской души».

Обстановка «холодной войны» породила массу всевозможных нелепостей, множество квазинаучных «теорий». О них не было бы нужды говорить, если бы и ныне в США и Западной Европе под маской науки и профессорской объективности не продолжали искусственно взращивать и распространять самые нелепые, но тем не менее ядовитые плоды буржуазной пропаганды, которыми отравляется сознание интеллигенции, широких слоев трудящихся, интересующихся историей СССР. Некоторые из этих домыслов многократно варьировались, переходя из книги в книгу, и получили широкое распространение в западной литературе. Это разбираемые ниже «психологическая интерпретация русской истории», «гипотезы» о «загадочности» русского характера, об «опасном мистицизме» и «мессианизме» русских, «теория вечного конфликта» Востока и Запада и, наконец, многочисленные попытки утвердить идею «преимущества» политики Советского социалистического государства и политики реакционных, агрессивных сил, действовавших в феодальный и капиталистический периоды истории России.

Среди антисоветски настроенных публицистов Запада еще до второй мировой войны модным было говорить о «загадочности» русского народа, его характера, его культуры. В 20-е годы появились книжки под сенсационными заглавиями: «Загадка России» Ф. Эшмид-Бертлетта⁶, «В красном государстве загадки» Ганса фон Римша⁷. Большое распространение получила «Русская загадка» В. Чемберлена, бывшего московского корреспондента нью-йоркской газеты «The Christian Science Monitor»⁸. В послевоенные годы, когда усилилась идеологическая борьба между социализмом и капитализмом, «русская загадка» вновь стала предметом не только публицистической, но и исторической литературы⁹.

⁵ См. «Правда», 10 марта 1946 года.

⁶ F. Ashmead-Bartlett. The Riddle of Russia. London. 1929.

⁷ H. von Rimscha. Im Roten Reiche des Rätsels. Berlin. 1927.

⁸ W. Chamberlain. Russia's Riddle. New York. 1934. См. его же книгу «The Russian Enigma». New York. 1943.

⁹ См., например, С. Thimm. Das Rätsel Rußland. Geschichte und Gegenwart. Stuttgart. 1952, S. 154, 155, ff.; H. G. Skolling. Scholarship and Soviet Riddle. «International Journal». 1961, Summer, vol. XVI, № 3.

В 1948 г., например, почти одновременно вышли в свет три очень сходных по своей направленности сочинения, претендовавшие на раскрытие этой «загадки»¹⁰. С 1949 г. в решение «русской загадки» включились специалисты по психологии и психиатрии, которые с большой помпой рекламировали «новейшие методы исследования русской и славянской души». О том, что это за методы, можно судить хотя бы по одной из «научных школ», ставшей даже в буржуазной науке притчей во языцех, которая в духе самого примитивного бихевиоризма пыталась объяснить психологию советского народа... слишком тугим пеленанием младенцев (!) в русской деревне. Статьи на эту тему писались отнюдь не сошедшими с ума людьми и появлялись не в юмористических еженедельниках. Изучение этой «проблемы» велось известными психологами и этнографами, а о его результатах сообщалось в органе Американской ассоциации ученых-славистов и в журнале Нью-Йоркского музея естественной истории¹¹. Особенно усердствовал в этой области врач Гоурер. В наукообразной форме, под личной объективного признания как хороших, так и плохих качеств русского народа, в своих писаниях он изображал его как народ «неуступчивый», «несговорчивый», «неуживчивый». Некоторые рецензенты не без оснований рекомендовали читать сочинения Гоурера с карандашом в руках... для записи нелепостей¹². С опровержением его «диких примеров психологических спекуляций» выступили и отдельные ученые.

Зачем же Гоурер брался за эту неблагоприятную задачу? Из примечания к одной из его статей явствует, что он работал по заданию и на дотации Службы военно-морских исследований США. Печатались материалы Гоурера по лицензии правительственных органов Соединенных Штатов; его «исследования» субсидировались из военного бюджета. «Теория» Гоурера нашла и других покровителей. Позднее американским налогоплательщикам пришлось оплачивать его псевдонаучные фантазии о роли пеленок в формировании «русского империализма» уже не по бюджету флота, а по бюджету авиации.

В 1953 г. доктор философии Натан Лейтес, работавший в годы войны в ведомстве военной информации, затем преподававший в Чикагском и Иельском университетах и, наконец, ставший сотрудником отдела изысканий в области социальных наук в РАНД-корпорации¹³, издал книгу объемом в 600 страниц — «Изучение большевизма». Следуя за сторонниками «психологической» теории, Лейтес поставил перед собой задачу определить дух и принципы действий большевиков для того, чтобы дать возможность западным политикам «предсказать», как будет вести себя Советский Союз в тех или иных международных ситуациях. Приводя в подтверждение своих антисоветских взглядов тенденциозно подобранные факты из истории СССР, пространно цитируя Гоурера, Лейтес стремился представить ленинизм как «функцию русского национального» харак-

¹⁰ E. Bigland. *Understanding the Russia*. London. 1948; G. Welter. *Explication de la Russie*. Paris. 1948; J. Kucharzevsky. *The Origins of Russia*. New York. 1948.

¹¹ G. Gorer. *Some Aspects on Psychology of People of Great Russia*. «The American Slavic and European Review», 1949, October, p. 155; см. «Natural History», 1951, September, p. 297. G. Gorer and J. Rickman. *People of Great Russia. A Psychological Study*. London. 1949.

¹² «New Statesman and Nation». 1950, 14 January, p. 43.

¹³ RAND (Research and Development) Corporation — это не капиталистическая монополия, а государственное научно-исследовательское учреждение, финансируемое Разведывательным управлением ВВС США. Ханжески «благопристойный» статус этого учреждения гласит, что это «бесприбыльная организация, созданная для содействия научным, воспитательным и благотворительным целям, способствующим процветанию и безопасности США». В составе корпорации РАНД, первые сведения о которой просочились в печать лишь недавно, работает ныне 12 лауреатов Нобелевской премии, а также свыше тысячи специалистов в различных областях науки и техники.

тера¹⁴. Откровенно фальсификаторский «труд» Лейтеса был встречен даже в буржуазной прессе достаточно сдержанно. Иной была реакция на одновременно выпущенную книгу «Русский дух» Стюарта Рэмсея Томпкинса, профессора русской истории университета штата Оклахома. В основе методологии Томпкинса — психологизм, сближающий его с Гоурером и др. Сознательно игнорируя социальные, классовые изменения, происшедшие в России после 1917 г., Томпкинс стремился доказать, будто разница между советской идеологией и идеологией реакционных правящих кругов царской России не так уж велика, ибо, по его мнению, «в обществе долго еще живут взгляды и нравы, унаследованные от прошлого и только немного модифицированные»¹⁵. Одной из особенностей «русского духа» Томпкинс считает «мессианизм», эдакую убежденность русского народа в своем предназначении завоевать мир. Идеи коммунизма, по Томпкинсу, выросли в Советском Союзе не из реальных социально-экономических предпосылок, а из склонности «русского духа» к абстракциям. Эта склонность русских к абстракциям и фанатизм, заявляет Томпкинс (повторяя утверждение Гоурера о том, что у русских «мысль принимается за реальность»), якобы и образует «философский базис той нетерпимости, которая отказывается принять фактический базис соглашения и отвергает все компромиссы». В подтверждение своих взглядов автор ссылается на... работы В. И. Ленина. Не касаясь совершенно несообразных представлений Томпкинса о «философском базисе» коммунистов, отметим только, что трактовка позиции В. И. Ленина в этом вопросе является грубым вымыслом. Томпкинс не может не знать, что еще в сентябре 1917 г. В. И. Ленин написал статью, которая так и называлась — «О компромиссах». В ней Владимир Ильич указывал, что коммунисты при определенных обстоятельствах идут на компромиссы, сохраняя, конечно, верность своим идеям, не поступаясь своими принципами. «Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клеветущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда... такое представление, — подчеркивал В. И. Ленин, — не соответствует истине»¹⁶. Но Томпкинсу нет дела до этого вполне определенного заявления. Он во что бы то ни стало хочет свалить на Советский Союз грехи, в которых была повинна «атомная дипломатия» США. Он переносит, в частности, на Советский Союз ответственность за периоды напряженности в международной обстановке¹⁷ и старается подвести, таким образом, «научную» базу под «твердый курс» во внешней политике Запада. Претенциозную и весьма поверхностную компиляцию Томпкинса, видимо, не случайно ожидала неоправданно счастливая судьба: книга была выпущена одновременно двумя издательствами и расхвалена всей буржуазной печатью.

Попытки объяснить «русскую загадку» при помощи методов психологии и психиатрии повторялись за последние годы не единожды¹⁸. Так, например, специалист в области психологии доктор Г. Нимейер (США) «доказывал», будто «советское поведение» в практическом смысле иррационально, что советская дипломатия не способна отличить реальное от воображаемого, и это якобы создает серьезные трудности для Запада¹⁹.

¹⁴ N. Leites. A Study of Bolshevism. Glencoe. Ill., 1953, pp. 17, 188, 234, 338, 568, 590, 599.

¹⁵ S. R. Tompkins. Russian Mind from Peter the Great through the Enlightenment. University of Oklahoma Press. 1953, p. VII.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 282.

¹⁷ S. R. Tompkins. Op. cit., pp. 237—240. Более подробную оценку книги С. Томпкинса см. в нашей рецензии в «Вопросах истории», 1954, № 11.

¹⁸ C. Kluckhohn. Recent Studies of the National Character of Great Russians. «Human Development Bulletin», 1955, 5 February, pp. 39—60.

¹⁹ G. Niemeyer. An Inquiry into Soviet Mentality. New York. 1956, p. 69.

Подобные же мысли развивает в Англии доктор Г. Дикс²⁰. Сторонники психологической школы все шире и шире призывают на помощь русскую историю, которую они не только толкуют весьма односторонне, но и искаженно. Так, чикагский специалист в области неврологии и психиатрии доктор И. Радзинский в книге «Маски Москвы» (подзаголовок этой книги можно перевести как «Обзор источников русского поведения») называет Ивана IV «предвестником марксизма», а в советской политике видит лишь новую фазу политики Грозного²¹.

Не забыта еще и «теория» Гоурера. Так, в книге бывшего корреспондента «Британского Союзника» в Москве Райта Миллера «Русские как народ» мы обнаруживаем намеки на то, что ландшафты России якобы вызывают у русского народа стремление к расширению своего пространства²².

Книги с претензией на выяснение истоков политики Советского государства издаются на Западе также и специалистами по педагогике и социологами. Кое-кто из них даже побывал в СССР. Тем не менее реакционное мировоззрение, угодничество перед политическим курсом правящих кругов привели их к заключениям, мало отличным от выводов названных неврологов и психиатров. Примером подобной спекуляции на всеобщем интересе к системе народного образования в СССР и вместе с тем ярким образцом профанации науки является, в частности, докторская диссертация В. Джонсона, инспектора педагогики в Технологическом институте Карнеги, — «Русское педагогическое наследство»²³. Достаточно взять в руки эту книгу, чтобы понять, о каком «наследстве» идет речь: на переплете золотом вытеснен двуглавый орел. Автор отрицает революционную сущность переворота в России в 1917 году. Он не останавливается перед тем, чтобы приписать советской педагогике пресловутую уваровскую формулу — «самодержавие, православие, народность»; он утверждает даже, что социалистическое государство не только в педагогике, но и в других областях «унаследовало ошибки, неудачи и промахи 300 лет царизма»²⁴. Подмена научности искусственными аналогиями, к которой прибегают предпринимчивый инспектор педагогики, осуждена даже на страницах буржуазных исторических журналов²⁵. Откровенно антисоветскую направленность книги Джонсона, доведение им до абсурда идеи преемственности в области национальной культуры блестяще разоблачил прогрессивный американский философ Джон Соммервилл²⁶.

Однако критика книги Джонсона не остановила ни канадского педагога Ф. Джеймса (вице-канцлера университета Мак-Гилла), ни профессора Гарвардского университета Р. Юлиха. Оба автора повторяют на разные лады мысли, известные уже по писаниям Лейтеса и Джонсона. В своей работе «О понимании России» Джеймс пытается доказать, что книги о России, изданные в 70-х годах XIX в., спустя 90 лет «современны, как сегодняшняя газета»²⁷, а Юлих в трактате «Воспитание нации» пугает читателя невежественным заявлением о том, что «со времени древних греков и римлян... Россия вселяет в сердца людей страх и ужас»²⁸.

²⁰ H. V. Dicks. Observation on Contemporary Russian Behaviour. «Human Relations», 1952, vol. V, pp. 111—174; e j u s d. Some Notes on the Russian National Character. «Transformation of Russian Society», Cambridge, Mass. 1960, pp. 636, 652.

²¹ J. Radzinski. Masks of Moscow. A History of Russian Behaviour Patterns. Chicago. 1960, pp. 13, 170.

²² W. Miller. Russians as People. New York. 1961, p. 57.

²³ W. Johnson. Russia's Educational Heritage. Pittsburg. 1950, pp. 255—260.

²⁴ Ibid., p. 250.

²⁵ «The American Historical Review», 1951, vol. LVI, № 3, April, p. 562.

²⁶ «The American Slavic and East European Review», 1952, April, pp. 157—159.

²⁷ F. C. James. On Understanding Russia. Toronto. 1959, p. 3.

²⁸ R. Ulich. The Education of Nation, A Comparison in Historical Perspective. Cambridge. 1961, p. 255.

С еще большим апломбом буржуазные историки берутся «объяснить», как и почему царская Россия превратилась в Россию социалистическую. Эти «объяснения», как отметил канадский славист С. Рэнсимен, стали «особенно модными» после второй мировой войны²⁹. Несмотря на то, что им придается оболочка научной объективности, в действительности они политически чрезвычайно тенденциозны. Вульгарный историзм, которым оперируют подобные историки, не имеет ничего общего с подлинным научным историзмом.

Наиболее видным представителем этой группы историков на Западе является английский профессор Арнольд Тойнби, убежденный сторонник псевдонаучной теории цикличности в развитии человеческого общества. В англо-американской буржуазной историографии и социологии Тойнби пользуется непререкаемым авторитетом. В его трудах ищут откровений и пророчеств. Особое впечатление произвела его идея об «извечном антагонизме» России и Запада. Тойнби идентифицирует Западную Европу с возвышенным идеализмом, религией, свободой и культурой, а Восточную Европу — с «материализмом» и мистикой, деспотизмом и варварством, будто бы присущими Византии и якобы унаследованными Россией. Вся русская история, утверждает Тойнби, заключается в укреплении византийского цезарепопизма, объединении светской и духовной власти и росте экспансионистских устремлений Русского государства. Русские цари будто бы только выражали усвоенный русским народом от византийского влияния завоевательный дух, воплотившийся в теории «Москва — третий Рим». Более того, эту будто бы исконную агрессивность русских он пытается приписать и политике Советского государства.

С помощью подобных идей о якобы изначальной и неустранимой непримиримости Востока и Запада буржуазные идеологи хотят оправдать любые военные блоки и агрессивные «сообщества», направленные против СССР и других социалистических стран. Не удивительно, что английское радио в 1952 г. широко транслировало посвященную этой теме лекцию Тойнби, а буржуазная пресса восприняла идею «вечного конфликта» Востока и Запада как «доминирующую характеристику века»³⁰. Правда, Тойнби не оригинален. В 1929 г. на эту же тему в Германии писал Г. Шедер, а в 1937 г. эти «идеи» были развиты в книге русского белоэмигранта философа-идеалиста Н. А. Бердяева. Бердяевская «теория» о тождестве Московской Руси и Советской России основывалась на чисто внешних параллелях: Москва была и стала вновь столицей, правительство тогда и сейчас заседает в Кремле и т. д.³¹. Тем не менее «теорию» Бердяева охотно подхватывали буржуазные публицисты и историки. Особенно широко была использована мысль Бердяева о том, что теория XV в. — «Москва — третий Рим» — будто бы имела решающее значение для формирования русского национального характера на протяжении многих столетий вплоть до наших дней. С помощью этого утверждения в западноевропейской и американской литературе не прекращаются попытки опорочить Советское государство. Факт централизации Русского государства был использован для обоснования якобы существующей в настоящее время «агрессивности» русского народа. По мнению ряда буржуазных историков, «экспансия русского государства» начинается с Ивана Калиты. Даже объединение русских князей для борьбы против татарского ига они пытаются преподнести как предвестие широких завоевательных притязаний. «Научные открытия» такого рода охотно исполь-

²⁹ S. Runciman. Byzantium, Russia and Caesaropapism. «Canadian Slavonic Papers». Vol. II. Toronto. 1957, p. 1.

³⁰ A. Toynbee. Civilization on Trial. New York—London. 1949, p. 183; «The Times Literary Supplement», 1953, 13 February.

³¹ Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж. 1955, стр. 95, 117.

зует буржуазная пресса, запугивающая обывателя разного рода «тайными пружинами» советской внешней политики, якобы опасными для Запада.

В 1938 г. положения Бердяева были подхвачены и развиты Вальтером Шубартом в книге «Европа и душа Востока». Эта книга, как иopus Г. Шедера, пришлось очень кстати для оправдания гитлеровского «Drang nach Osten». Они не были забыты и после второй мировой войны. В 1947 г. книгу Шубарта выпустили на итальянском языке, а в 1950 г. — на английском; в 1957 г. в Германии было переиздано сочинение Г. Шедера³². Усвоили эту довольно парадоксальную, если сказать мягко, теорию и другие буржуазные авторы. В 1949 г. грубую ложь, приписывающую советским коммунистам проповедь мессианистской идеи «Москва — третий Рим», повторил Дж. Риви, автор очерка развития русской общественной мысли, опубликованного в английском «Slavonic Review»³³. Этот тезис был поддержан и реакционным французским журналом «L'Age nouveau»³⁴, а также беглыми отщепенцами — сотрудниками Мюнхенского института по изучению России³⁵, а затем многими буржуазными американскими, английскими и западногерманскими историками и социологами.

Ни в коей мере не собираясь защищать политику великих князей и царей, отметим все же, что теория старца псковского Елизара монастыря Филофея никогда не являлась официальной идеологией Московского государства, доказательства чему приведены в ряде работ советских ученых³⁶. Тем более нелепо выглядят сейчас попытки буржуазных историков навязать социалистическому государству эту никогда не бывшую популярной в России идею внешней политики.

Настойчивое стремление представить феодально-церковную теорию «Москва — третий Рим» в качестве первоисточника и образца для идеологии советского общества свидетельствует о том, что в своей борьбе против идей прогресса и социализма буржуазные историки отказываются от объективного изучения фактов и прибегают к дешевым пропагандистским трюкам. В первую очередь это относится к довольно большой группе американских профессоров, которые легенду о якобы заимствовании большевиками теории «Третьего Рима» положили в основу своих рассуждений о «мессианистских замыслах» Советского Союза. Среди них можно назвать профессора социологии Ганса Кона, «труды» которого уже получили оценку в нашей литературе, а также американского социолога Динко Томашича, выпустившего в середине 50-х годов книгу «Влияние русской культуры на советский коммунизм»³⁷. Последний, согласно обычному приему пособников «холодной войны», пугает западного читателя тем, что «большевики, следуя татаро-монгольским и царист-

³² W. Schubart. L'Europa e l'anima dell'Oriente. Milano. 1947, pp. 87, 90; H. Schaefer. Moskau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Darmstadt. 1957.

³³ G. Revey. The Russian Thought Pattern. «Slavonic Review», 1949, May, p. 463.

³⁴ J. Roussel. La réalité Russe. «L'Age nouveau», 1952, mars, p. 9.

³⁵ O. Ogloblin. Moskovska teoriya III Roma v XVI-XVII st. Munich. 1951; N. Wasilenko-Polonska. Teoriya III Roma protigom XVIII ta XIX st. Munich. 1952.

³⁶ См. Р. Дмитриев. Сказание о князьях владимирских. М.-Л. 1955, стр. 10—11; Я. С. Лурье. О возникновении теории «Москва — третий Рим» (к выходу в свет второго издания книги Г. Шедера). «Труды» отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Т. XVI. М.-Л. 1960; Н. Н. Масленникова. К истории создания теории «Москва — третий Рим» (по поводу статьи Н. Е. Андреева «Филарет и его послание к Ивану Васильевичу»). «Труды» отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Т. XVIII. М.-Л. 1962; Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. «Исторические записки». Т. 17. 1946.

³⁷ H. Kohn. The Mind of Modern Russia. New Brunswick. 1955, p. 236; D. Tomasič. The Impact of Russian Culture on Soviet Communism. Glencoe. Ill., 1953, pp. 217, 247, 250.

ским традициям, военизировали все общество» и будто бы угрожают завоеванием мира³⁸. В подтверждение этой нелепой аналогии Томашич ссылается на деятельность III Интернационала, якобы воплотившего в себе все ту же теорию «Москва — третий Рим».

Подобно Томашичу, миф о воскрешении «русского мессианизма» пытается использовать в своей книге «Как управляется Россия» профессор государственного права Русского исследовательского центра в Гарвардском университете Мерл Фейнсон³⁹. Легенда о монахе Филофее как «основоположнике» советской политики (!) настолько привилась в кругу американских «ученых», что порой попадает, хотя и с некоторыми оговорками, в труды историков, считающих себя свободными от всяких предвзятых мнений. Так, довольно известный профессор Ф. Шуман цитирует псковского старца и указывает, что дореволюционное наследие влияет на отношение «советских москвитов» к сегодняшним проблемам⁴⁰.

Впрочем, по мнению многих буржуазных «специалистов» по истории России, наследие Советского Союза будто бы вовсе не ограничивается принятием великодержавных идей Византии. Большую роль в формировании характера советских людей сыграло якобы монголо-татарское иго и абсолютистские порядки, установленные русскими князьями, начиная с Ивана III⁴¹. В связи с этим в послевоенный период на Западе для идеологической борьбы с Советским Союзом стали привлекать и такое явно негодное оружие, как «сказания» чужеземцев о Московском государстве и иностранные мемуары о России XVIII—XIX веков. Примерами таких изданий могут служить хрестоматия Мишеля Форштеттера «Путешествия в Россию в X—XX веках»⁴², а также сборник Принстонского университета «Семь британцев в императорской России»⁴³. Об антисоветской направленности этого сборника достаточно ясно заявил и сам издатель Пэтнем, а также рецензент профессор Герберт Вест. Последний на страницах «New York Times», приветствуя выход книги, столь своевременной в период «холодной войны», старался подвести читателя к мысли о том, как трудно якобы американцам жить в мире с Советским Союзом⁴⁴. Все эти попытки отождествить два несравнимых понятия — дворянско-царскую Россию и социалистический Советский Союз — не имеют, разумеется, ничего общего с наукой и относятся к самой низкопробной пропаганде.

В целях антисоветской пропаганды была использована и книга маркиза де Кюстина, заявившего в 1839 г., что вся Россия «живет и мыслит как солдаты армии завоевателей»⁴⁵. Как бичующий памфлет против николаевской империи эта книга была использована союзной прессой во время Крымской войны. Но весной 1940 г., в период «странной войны» на Западе, нашлись люди, которые словами маркиза де Кюстина о мнимой русской угрозе с Востока, сказанными 100 лет назад, пытались замаскировать уже нависшую над Францией опасность гит-

³⁸ D. Tomasič. The Impact of Russian Culture on Soviet Communism, pp. 217, 247, 250.

³⁹ M. Fainsod. How Russia is Ruled. Harvard University Press. Cambridge. 1958, p. 117; см. также L. Deutscher. Russia in Transition. New York. 1957, pp. 144, 149, 156; «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought». Cambridge, Mass. 1955, p. 179.

⁴⁰ F. Schuman. Russia Since 1917. New York. 1957, p. 55.

⁴¹ J. Clarkson. Russia—An Essay at Perspective. «Russian Review», 1961, April, p. 108.

⁴² M. Forstetter. Voyages en Russie du X au XX siècle. Lausanne. 1947.

⁴³ «Seven Britons in Imperial Russia 1698—1812». Ed. by P. Putnam. Princeton University Press. 1952.

⁴⁴ «New York Times Book Review», 1952, 3 August, p. 7.

⁴⁵ А. Кюстин. Николаевская Россия. М.-Л. 1930.

леровского вторжения⁴⁶. В 1946 г. во Франции вышло новое издание книги де Кюстина⁴⁷, и отрывки из нее заняли преобладающее место в упомянутой выше хрестоматии Форштеттера. Однако наибольший «успех» выпал на долю заокеанского ее издания. Бывший американский посол в Москве генерал Б. Смит, более известный своей разведывательной, чем дипломатической службой, после неудачи собственных мемуаров⁴⁸ выпустил при участии Джорджа Кеннана новое издание книги де Кюстина. «Старинный, самый близкий и интимный друг» Эйзенхауэра, как рекомендовал Б. Смита журнал «New York Times Magazine», поместил во введении к книге сенсационное признание, облетевшее падкую на все нелепицы буржуазную прессу: «Я мог брать многие страницы из его дневника и, заменив старые даты и имена современными, послать их в государственный департамент как мои собственные официальные донесения»⁴⁹. Вышедшая под новым заглавием («Путешествия нашего времени»⁵⁰) книга была встречена хвалебными отзывами газет и журналов. Профессор Ганс Кон заявил, что это «блестящая и незаменимая книга, которая поможет современному поколению понять современную Россию»⁵¹. В 1957 г. вышло ее новое французское издание, в предисловии к которому тенденциозное сочинение французского аристократа, галопом промчавшегося по России, почему-то, хотя и с оговорками, названо «этюдом о русской душе»⁵².

Большое внимание в первые годы «холодной войны» реакционная пресса и даже некоторые историки уделяли так называемому «завещанию» Петра I, в свое время появившемуся на свет для оправдания агрессивных замыслов Наполеона. Оно «обнаруживалось» в Европе всякий раз, когда возникала напряженная международная ситуация, которая в той или иной связи затрагивала и Россию. Так было в 1812 и 1836, 1855 и 1877, 1915 и 1941 годах. Использовали его, в частности, и гитлеровцы. В дни решающего сражения под Москвой в ноябре 1941 г. оно было напечатано во всех немецких газетах⁵³. В 1946—1947 гг. на деловых банкетах в Нью-Йорке стали часто вспоминать об этой давним-давно разоблаченной фальшивке, согласно которой Петр I якобы предписывал России стремиться ко все новым завоеваниям. Этот «документ» был перепечатан одним американским журналом и усиленно распространялся в Европе. О нем говорили американские пропагандисты в лагерях для перемещенных лиц, о нем напоминали не раз американским военнослужащим в Европе, пытаясь оправдать их появление на чужом континенте вдали от родины⁵⁴. В 1949 г. об этом документе упоминалось на симпозиуме в Папской академии в Риме⁵⁵. В этом же году швейцарский профессор Морис Буркен вынужден был признать,

⁴⁶ E. Silberner. Réflexions du marquis de Custine sur le despotisme russe. «Moi Swiss», 1940, mars, pp. 63—78.

⁴⁷ A. de Custine. Lettres de Russie. Paris, 1946.

⁴⁸ В рецензии на вышедшую в 1950 г. в Филадельфии книгу Уолтера Б. Смита «Мои три года в Москве», которая печаталась первоначально на страницах «New York Times», отмечалось, что «попытки посла к научным экскурсам в прошлое... не всегда счастливы».

⁴⁹ Цит. по ст.: В. Норпер. Custine and Russia—Century After. «American Historical Review», January 1952, vol. 57, p. 384.

⁵⁰ См. A. de Custine. Journey of Our Time. New York, 1950.

⁵¹ «New Republic», 1951, 21 May, p. 19.

⁵² Le Marquis de Custine. Voyage en Russie. Paris, 1957, p. VII.

⁵³ См. Е. Н. Данилова. «Завещание» Петра Великого. «Труды» Историко-архивного института, 1946, Т. 2, стр. 68; Н. Яковлев. О так называемом завещании Петра Великого. «Исторический журнал», 1941, № 12.

⁵⁴ D. Lehovitch. The Testament of Peter the Great. «The American Slavic and East European Review», 1949, April.

⁵⁵ См. «The Philosophy of Communism». New York, 1952, p. 70.

что «легенда еще находит отклик»⁵⁶. Но затем от этого «дикого мифа», как его называли русские историки еще в 1877 г.⁵⁷, пришлось, хотя и с подчеркнутой неохотой, отказаться даже таким ее почитателям, как иезуитский профессор О. Галецкий⁵⁸. Тем не менее и по сей день миф этот не забыт⁵⁹.

Попытки объявить социализм явлением не интернациональным, а чисто русским, вывести его из национальных черт «русского характера» давно уже вошли в арсенал врагов марксизма. Проведение искусственных параллелей между социалистическим государством и феодальной Россией, попытки выискать в политике Советского Союза примеры «влияния» теорий, канувших в Лету, — все это, в сущности, лишь разновидность общей тенденции.

В поисках материалов для антисоветской пропаганды буржуазные авторы охотно обращаются и к истории России периода капитализма. Так, некоторые американские историки пытаются обнаружить в политике СССР влияние идеологии дворянства и буржуазии XIX в., приписать русскому народу великодержавные устремления русских царей и дворян, шовинистические взгляды идеологов национальной исключительности, в частности, панславистов и славянофилов. Легенда о «советском панславизме» не нова. О последнем кричали германские империалисты, развязывая первую мировую войну, о нем вспоминали в «третьей империи», готовясь к нападению на Советский Союз⁶⁰. В недалеком прошлом миф о «панславизме» СССР снова появился на сцене, на сей раз как прикрытие для американской военной пропаганды. Американские реакционные профессора и их единомышленники в Западной Европе с подозрительным единодушием стали распространять все новые и новые измышления о «панславистском наследстве» советской внешней политики, о панславизме как «угрозе мировой цивилизации».

Стремление представить панславистскую идеологию XIX в. как прямое предвосхищение «империализма» в советской внешней политике нашло наиболее полное выражение в нескольких книгах Г. Кона, выпущенных в середине 50-х годов⁶¹. Г. Кон не стесняется прибегать к заведомым передержкам и подтасовке фактов. Он, например, именуется Славянский комитет, созданный в 1941 г. для объединения славянских наций против гитлеровской агрессии, «панславянским», а образование социалистического лагеря в Восточной Европе рассматривает как реализацию планов реакционера Данилевского. С подобным приемом

⁵⁶ Предисловие к книге: В. Mouravieff. *Le Testament de Pierre le Grand*. Neuchâtel, 1949, p. 7.

⁵⁷ «Древняя и Новая Россия», 1877, № 1, стр. 21.

⁵⁸ О. Halecki. *Imperialism in Slavic and European History*. «The American Slavic and East European Review», 1952, February, p. 14.

⁵⁹ В 1954 г. в «American Mercury» вновь намекали на подлинность этого документа. В 1959 г. в двух французских журналах — военном и правосоциалистическом — были напечатаны статьи, похожие друг на друга, как близнецы. Военный публицист Клод Дельмас и югославский эмигрант Живко Топалович со ссылками на Ивана Грозного и Петра I напоминали о том, что «Россия царская или советская всегда мечтала о всемирной империи» и хочет насильственного распространения социализма (см. С. Delmas. *Des Tsars aux Soviet: Logique et continuité de la diplomatie russe*. «La Revue de défense nationale», 1959, mai, pp. 829—839; Z. Topalovich. *La dictature communiste totalitaire*. «La Revue socialiste», 1958, févr., pp. 201—203).

⁶⁰ K. Staehlin. *Die Entstehung des Pan-Slavismus*. «Germano-Slavica», 1936, V. IV, S. 1—25, 237—262.

⁶¹ H. Kohn. *Pan-Slavism. Its History and Ideology*. Notre Dame, 1953, p. 230; e jus d. *The Mind of Modern Russia*. New Brunswick, 1955; e jus d. *Dostoyevsky and Danilevsky: Nationalism Messianism*. «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought». Cambridge, Mass, 1955, pp. 505, 515. См. Ю. Карякин, Е. Плимак. *История с позиции лжи*. «Коммунист», 1959, № 2, стр. 124, 127—128.

сталкиваемся мы и в книгах Б. Уолфа⁶², Б. Шульце⁶³, А. Шельтинга⁶⁴.

Буржуазные профессора всячески преувеличивают роль и значение в истории русской общественной мысли наиболее правых славянофилов и панславистов. Именно их они хотят ныне представить как выразителей надежд и чаяний русского народа, якобы проникнутого мистической верой в свое предназначение господствовать над миром. Г. Кон, Р. Хейер, Д. Кухаржевский, А. Шельтинг, Ф. Степун настаивают на якобы громадном значении, которое имели такие панслависты, как Г. Данилевский, К. Леонтьев и другие, не только для внешней политики России в XIX в., но и для складывания русской революционной идеологии, вплоть до наших дней⁶⁵. Им нет дела до того, что идеи панславизма полярно противоположны советской идеологии интернационализма и дружбы народов, что советскому народу чужды завоевательные цели, расистские установки и дворянско-монархические симпатии панславистских идеологов. Они используют ложь о панславизме русского народа для самой черной клеветы на Советский Союз. В их писаниях так мало правды, что даже откровенный недруг нашей страны профессор М. Петрович признал в своей рецензии на книгу Кона «Панславизм»: «Мало движений в истории рассматривалось с такой слабой научностью, как панславизм»⁶⁶. Казалось бы, трудно обойти тот неоспоримый факт, что панславизм и славянофильство рассматриваются в Советском Союзе как реакционные течения, что не только марксисты, но и революционные демократы XIX в. были единодушны в этой оценке. Однако точку зрения советских историков буржуазная историография игнорирует, а прогрессивные деятели XIX в., выступавшие против национализма и шовинизма, сами изображаются панславистами. Французский деятель Эпнер и английский профессор Р. Хейер утверждали даже, что нет никакой разницы между А. И. Герценом и славянофилами⁶⁷. Д. Кухаржевскому оставалось только выискать доказательства влияния сочинений Герцена на внешнюю политику Советского государства, и «связь» между социалистической идеологией и панславизмом была «установлена». Подготавливая материал для антисоветской пропаганды, Кухаржевский толкует о «семенах красного империализма» в сочинениях А. И. Герцена и других русских революционеров⁶⁸. Еще более злостному искажению подверглось мировоззрение А. И. Герцена в книжке «культур-философа» А. фон Шельтинга «Россия и Европа в русской исторической мысли»⁶⁹. Автор прилагает все усилия к тому, чтобы истолковать демократическое движение в России XIX в. как панславизм и экспансионизм, впоследствии будто бы развившиеся в теорию комму-

⁶² B. Wolfe. Six Keys to the Soviet System. Boston. 1956, p. 62. Откровенно враждебная Советскому Союзу книга Уолфа, бывшего разведчика и председателя правления «Голоса Америки», вышла с предисловием бывшего морского атташе в Москве адмирала Лесли Стивенса.

⁶³ B. Schulze. Russische Denker. Wien. 1950, S. 184, 194.

⁶⁴ A. Schelting. Rußland und Europa in russischen Geschichtsdenken. Wien. 1948, S. 392.

⁶⁵ В 1959 г. духовный собрат Бердяева, белоэмигрантский религиозный философ Федор Степун, живущий ныне в Западной Германии, выпустил сочинение, в котором Леонтьев — в который раз! — объявлен пророком и теоретиком пролетарской революции. Тут же развивается и пресловутая басня о «Третьем Риме». См. F. Stepun. Der Bolschewismus und die Christliche Existenz. München. 1959, S. 167—169, 176, 177, 218, 219, 223.

⁶⁶ «The American Slavic and East European Review», 1953, October, p. 420.

⁶⁷ В. Непнер. Le Panславизм revolutionnaire il y a cent ans. «La revue socialiste», 1949, avril. № 27, p. 296.

⁶⁸ J. Kucharzewsky. The Origins of Modern Russia. New York. 1948. pp. XIII, XIV.

⁶⁹ A. von Schelting. Op. cit.

низма⁷⁰. Особенно важно Шельтингу любыми средствами извратить облик великого демократа А. И. Герцена с тем, чтобы попытаться бросить тень и на советский народ, чтящий его память. «Рассмотрение философско-исторических взглядов Герцена,— пишет он,— показывает, что социализм и панславизм заключают тесный союз и ни в коем случае друг друга не исключают»⁷¹. В действительности воззрения А. И. Герцена не имели ничего общего со взглядами панславистов Данилевского, Леонтьева и других певцов самодержавия. Герцен говорил о свободной федерации славянских народов, федерации, основанной на принципах аграрного, общинного «социализма», и никогда не предлагал насильственного объединения с Россией других народов. В 1863 г., во время польского восстания, он, по словам В. И. Ленина, спас честь русской демократии, решительно атакуя в своих произведениях панславизм и завоевательную политику царизма. А. И. Герцен гневно отвергал реакционно-расистские и шовинистические теории идеологов русского помещичье-монархического строя. «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами. Ничто так не отклоняет революцию от ее великих путей, как мания классификаций и зоологических расовых предпочтений»⁷², — писал он.

Приверженность реакционных историков к проблеме «преемственности» не случайна. В 50-х годах в США, а также в Западной Германии было проведено несколько дискуссий, посвященных «проблеме преемственности» Советского государства и старой России. Это были своего рода попытки сплотить сторонников различных толкований русского национального наследия и мобилизовать их для все новых и новых пропагандистских нападок на Советский Союз. В декабре 1952 г. в университете Нотр Дам (штат Индиана) такой симпозиум был организован комиссией по изучению международных отношений. Его участники почти единодушно высказывались в пользу отождествления советской внешней политики с политикой царизма. Особенно усердствовали в этом отношении профессор политических наук университета Нотр Дам белоэмигрант В. Гурьян⁷³ и профессор Йельского университета Ф. Бархурн⁷⁴. Как писал один из организаторов симпозиума, развернувшиеся дебаты представляли «величайшую важность для практической политики, ибо они помогали разработать эффективное политическое оружие против Советов»⁷⁵. В августе 1953 г. Институт международных исследований в Вашингтоне провел дискуссию о «проблемах советского империализма». Тогдашний губернатор штата Массачусетс Кристиан Гертер, позднее преемник Джона Фостера Даллеса в правительстве Эйзенхауэра, открывая первое заседание, просил присутствующих ответить, между прочим, на вопрос: «Является ли Советский Союз в конце концов продолжением в модифицированной форме традиционной России, преследующей национальную политику?». Ответ на этот вопрос был дан утвердительный⁷⁶.

В подобном же духе были проведены конференции американских историков в 1958 г. в Арден-хаус⁷⁷ и в 1961 г. в Йельском университете. Эта последняя конференция посвящалась теме «Столетие русской

⁷⁰ *Ibid.*, S. 25, 40, 344, etc.

⁷¹ *Ibid.*, S. 8, 239.

⁷² А. И. Герцен. Собрание сочинений Т. XX, кн. I. М. 1960, стр. 368.
⁷³ «Soviet Imperialism: its Origine and Tactics». A Symposium. Ed. by W. Gurian. Notre Dame Press. 1953, p. 13.

⁷⁴ F. Barghorn. The Image of Russia in Soviet Propaganda. «Soviet Imperialism», 1953; см. *ejusd. Soviet Nationalism*. New York. 1956.

⁷⁵ «Soviet Imperialism», p. 4.

⁷⁶ «The Threat of Soviet Imperialism». Baltimore. 1954, p. XV, p. 13.

⁷⁷ Доклады этой конференции напечатаны в сборнике «The Transformation of Russian Society». Cambridge. 1960.

внешней политики». В предисловии к пухлому тому прочитанных там докладов — «Русская внешняя политика. Исследование исторической перспективы» — профессор Г. Вернадский объявил результаты конференции «важным вкладом в область изучения России и международных отношений»⁷⁸. Однако рекламируемое Г. Вернадским «сравнительное изучение советской дипломатии и русских исторических традиций» вызывает только недоумение. «Поражающие элементы преемственности», о которых немало говорили американские профессора, поражают лишь своей несообразностью. Как не удивляться, услышав, что вдохновителем советского отношения к Западу был, оказывается, обер-прокурор святейшего синода Победоносцев?⁷⁹

За последние годы и другие научные учреждения внесли свой «вклад» в изучение советской внешней политики, выпустив несколько книг, статей, хрестоматий, посвященных якобы научному выяснению определяющих мотивов действия Советского государства⁸⁰. Впрочем, авторы этих книг и статей иногда придерживаются более гибкой, скрытой антисоветской линии: они избегают «традиционного» объяснения внешней политики Советского Союза лишь «преемственностью», считая необходимым дополнить его анализом «идеологических» факторов. Советский Союз, заявляет, например, профессор истории в Бруклинколледже Джесс Кларксон, имеет два лица. Одно лицо — марксистская идеология, другое — пережившая века вера в мессианистское предназначение России⁸¹. Этот же взгляд разделяют Э. Гудмен⁸² и значительная часть других реакционных историков США и Западной Европы. Повторения всевозможных мифов и басен о СССР, как это ни странно, раздаются и до сих пор. Чего стоит одно только утверждение профессора З. Бржезинского о том, что советские правительственные формы недалеко ушли от форм 1861 года⁸³! В Оксфордском университете профессор Кэри Хант, а в Манчестерском — Дерек Скотт еще недавно объясняли английским студентам, что перемены в политике прошлой и нынешней России не так уж велики⁸⁴.

Особенно часто лживые сказания о Советском государстве повторялись в последние годы в Западной Германии, где историография уже не раз покорно отзывалась на призывы реваншистов. В 50-е годы западногерманские историки стали усиленно «изучать» «коммунистический дух мирового господства» и «мессианизм Востока»⁸⁵. Об этих же проблемах заговорили известный философ Западной Германии Карл Ясперс, преподаватель социологии в Ульме Х. Кестинг⁸⁶ и философ-неотомист И. Фетчер⁸⁷. О мнимой панславистской подоплеке советской внешней политики писал Ганс Келер⁸⁸. На съезде западноевропейских

⁷⁸ «Russian Foreign Policy — Essays in Historical Perspective». New Haven and London. Yale University Press. 1962, p. V.

⁷⁹ Ibid., p. 111.

⁸⁰ «Soviet Conduct in World Affairs. A Selection of Reading». New York. 1960; «The Foreign Policy of Soviet Union». New York. 1960; «Readings in Russian Foreign Policy». New York. 1959; «The Soviet Crucible. Soviet Government in Theory and Practice». Princeton. 1959; «The Imperialism Reader. Documents and Readings on Modern Expansionism». Princeton. 1962.

⁸¹ J. Clarkson. Russia — An Essay at Perspective. «Russian Review», 1961, April, p. 108.

⁸² E. Goodman. The Soviet Design for a World State. New York. 1960, pp. 63, 100, 355.

⁸³ Z. Brzezinski. Ideology and Power in Soviet Politics. London. 1962, p. 57.

⁸⁴ R. Carew Hunt. The Theory and Practice of Communism. London. 1957, pp. 219—221; D. I. Scott. Russian Political Institutions. London. 1958, p. 19.

⁸⁵ E. Sarkisyanz. Russiand and Messianismus des Orients. Tübingen. 1955.

⁸⁶ H. Kesting. Geschichtsphilosophie und Weltbürgerkrieg. Heidelberg. 1959, S. 20.

⁸⁷ I. Fetscher. Von Marx zur Sowjetideologie. Frankfurt am Main — Berlin — Bonn. 1959, S. 157—158.

⁸⁸ H. Köhler. Sowjetideologie und Sowjetpraxis. Stuttgart. 1957, S. 10.

историков в Париже в 1958 г. Р. Виттрам зачитал доклад «Русская империя и перемены в ее облике»⁸⁹. В том же году в Западной Германии вышла «Книга о Советах», рекомендованная читателям как основной справочник по СССР. В главе, посвященной Советскому государству, в который уже раз повторяется легенда о том, что советская идеология будто бы складывается из идей не только марксизма, но и пресловутого старца Филофея⁹⁰. Западногерманские публицисты уныло твердят избитый тезис об «империализме» Советского Союза, якобы вдохновленном экспансионизмом старой России⁹¹.

Попытки исказить, оболгать политику СССР никогда не прекращались полностью. В последние годы в связи с широко развернувшимся национально-освободительным движением в колониальных и зависимых от империализма странах на смену старым небылицам в реакционной буржуазной историографии появилась новая модная «теория». Она направлена против экономической помощи, братски оказываемой странами социалистического лагеря народам, освободившимся от колониального рабства, на фоне которой особенно неприглядной выглядит американская «помощь» с ее тенденциями политического диктата, военных авантур (именно об этой «помощи» профессор Сиракузского университета (США) Дж. Берлинер писал: «Невозможно полностью отделить нашу программу экономической помощи от военной»⁹²). Сущность американской политики еще раз вскрылась в апреле 1963 г., когда конгресс США высказался за предоставление экономической помощи лишь странам — участникам агрессивных военных блоков. Рост недовольства американским вмешательством во внутренние дела слаборазвитых стран вызывает все большее беспокойство правящих кругов Соединенных Штатов. «Редко серия событий в международной экономической жизни, — писал профессор экономики университета штата Орегон Р. Аллен в своей книге «Советская экономическая война» (?), — вызвала столь большой интерес и столь глубокие размышления во всем мире, как развитие советских зарубежных экономических отношений за последние пять лет. Журналисты, правительственные чиновники, ученые — все стали искать объяснения...»⁹³. Надо сказать, что им потребовалось немного времени, чтобы найти нужный «ответ». Уже в 1961 г. вышла изданная госдепартаментом брошюра «Угроза советской экономической политики». Под характерным заглавием скрывалась старая тенденция обвинить СССР в постоянном стремлении к экспансии, к «политическому расширению»⁹⁴. Развивая этот провокационный тезис, чиновник департамента торговли США М. Ковнер пишет, что помощь СССР слаборазвитым странам есть не что иное, как переход от «открытой агрессивности» к еще более опасному «соревновательному сосуществованию»⁹⁵. Ковнер обеспокоен тем, что благодаря помощи Советского Союза народы бывших колоний могут пойти по некапиталистическому пути развития. Обеспокоены этим и другие защитники «американского образа жизни»⁹⁶. «Советский Союз, — признает профессор Аллен, — чувствует, что человечество ныне движется в его

⁸⁹ R. Wittram. Der russische Imperium und sein Gestaltwandel. «Historische Zeitschrift», 1959, Juni, S. 567—593.

⁹⁰ «Sowjetbuch». Köln. 1958, S. 95.

⁹¹ K. Mehnert. Weltrevolution durch Weltgeschichte. 1959. S. 78—80.

⁹² J. Berliner. Soviet Economic Aid. London. 1960, p. 58.

⁹³ R. Allen. Soviet Economic Warfare. Washington. 1960, p. VII.

⁹⁴ «The Threat of Soviet Economic Policy». Washington. 1961, p. 25.

⁹⁵ M. Kovner. The Challenge of Coexistence. A Study of Soviet Economic Diplomacy. Washington. 1961, pp. 1—3.

⁹⁶ См. R. Allen. Op. cit., p. 249; J. Berliner. Op. cit., p. 9; K. Campbell. Soviet Economic Power, its Organization Growth and Challenge. Cambridge, Mass. 1960.

направлении и что с его помощью исторический процесс может быть ускорен»⁹⁷.

Происшедший в 1946—1947 гг. резкий поворот политического курса США в сторону «холодной войны» получил немедленное отражение и в литературе, посвященной истории СССР. Английский историк-марксист Эрик Хобсбэм справедливо связывает появление в США огромного количества трудов по «советологии», объединенных острой враждой к СССР, с международной напряженностью. Большая часть книг, касающихся истории СССР, пишет он, — «это антикоммунистические памфлеты со сносками и библиографией, которые никогда бы не появились, если бы не особая политическая обстановка «холодной войны». Многие из них не заслуживают даже серьезной дискуссии»⁹⁸. Действительно, большинство этих произведений не имеет даже признака научного подхода и принадлежит перу белоэмигрантов или же «специалистов», прошедших школу дипломатической службы и антисоветской разведки. Исторические журналы и книжный рынок Америки в первые же послевоенные годы стали заполняться антисоветской литературой, которая изображала СССР как страну «медведя, который ходит как человек». «Мы мало уделяем внимания серьезному изучению истории русского народа... Его заменяют пропагандистские писания»⁹⁹. Отмечалось в США в 1947 году. Прошло более десяти лет, и на страницах другого американского журнала снова прозвучало характерное признание: «Существует кричащая нужда (crying need) в достоверных и хорошо написанных книгах по русской истории»¹⁰⁰.

Фальсификации истории нашей Родины и различного рода антисоветские теории встречают отпор со стороны честных зарубежных ученых. В своей работе «Философия мира» американский ученый Джон Соммервилл разоблачил пропаганду ненависти к Советскому Союзу, показав, что психология милитаризма, которую приписывают нашей стране буржуазные реакционные идеологи, никогда не была распространена среди советских людей и характерна для самих реакционных кругов Соединенных Штатов¹⁰¹. Д. Соммервиллу принадлежит ряд уничтожающих отзывов о названных нами писаниях Кона, Джонсона, Томашича, Хейера и им подобных «исследователей» «русского духа». Джон Соммервилл, Корлисс Ламонт и другие прогрессивные американские и английские историки, философы и публицисты указывали, что «исследование русского прошлого в поисках каких-то принципов, которые объяснили бы советскую экспансию сегодня, приносит отрицательные результаты прежде всего потому, что советской экспансии как таковой нет»¹⁰². Историк-коммунист Родней Хилток писал, что под личиной объективности некоторые «исследователи» фальсифицируют историю. Это является непосредственным «отражением в исторической теории современной политики Атлантической организации»¹⁰³. Об этом же говорил и английский философ-марксист М. Корнфорт, отметивший, что «теория» об угрозе с Востока — одно из средств буржуазных ученых от политики в арсенале «холодной войны» против СССР¹⁰⁴. Мнение о том, что Россия «возвращается к своим истокам», опроверг профессор Тулузского универси-

⁹⁷ R. Allen. Op. cit., p. 242.

⁹⁸ E. Hobsbawm. Progress in History. «Marxism Today», 1962, February, p. 45.

⁹⁹ L. Strakhovsky. On Understanding Russia. «The American Slavic and East European Review», 1947, May, p. 182.

¹⁰⁰ «The Slavic and East European Journal», 1959, vol. XVII, № 3, p. 304.

¹⁰¹ J. Somerville. The Philosophy of Peace. New York. 1949, pp. 101, 110, 118, 221. На русском языке: Д. Соммервилл. Избранное. М. 1960.

¹⁰² C. Lamont. The Soviet Civilisation. New York. 1952; «Soviet Aggression. Myth or Reality». New York, 1952.

¹⁰³ «The Modern Quarterly», 1953, vol. 8, № 3, p. 184.

¹⁰⁴ «Communist Review», 1953, February, pp. 60—61.

тета Жорж Жорре¹⁰⁵; «Византийское наследство» СССР высмеял канадский ученый Стивен Рэнсимен¹⁰⁶.

Мифу о том, что «нет старой и новой России — Россия всегда одна»¹⁰⁷, которому многие на Западе верили добрый десяток лет, сегодня внимают все с большим недоверием. Рушатся и другие легенды и псевдонаучные теории идеологов и политиков «свободного мира». Даже такой недруг Советского Союза, как Гарри Шварц, был вынужден признать в своей книге успехи нашей страны и заявить, что в настоящее время СССР сильнее, богаче и влиятельнее, чем когда-либо в истории, что ему принадлежит ведущая роль в устремлении человечества в космос¹⁰⁸.

Все большее признание получает миролюбивая внешняя политика Советского Союза. В 1947 г. Д. Кеннан выступил с получившей довольно широкую известность статьей «Источники советского поведения»¹⁰⁹. Ссылаясь на «мистический мессианизм» русских, якобы подготовленный традициями их истории, автор пытался убедить общественность в агрессивности внешней политики Советского Союза и в невозможности мирного сосуществования. Прошли годы, и вот в 1960 г. в том же журнале, со страниц которого некогда раздавался призыв к «холодной войне» против СССР, появилась статья Д. Кеннана «Мирное сосуществование»¹¹⁰. Несмотря на различного рода оговорки, автор вынужден признать теперь, что идеи мирного сосуществования одерживают верх.

Политика «твердого курса» «холодной войны» терпит провал за провалом. Это признают наиболее объективные ученые в США. Видный английский коммунист Палм Датт не так давно назвал «честным американцем» профессора университета Вандербильта в Нэшвиле (штат Теннесси) Д. Флеминга, который в двухтомном труде, посвященном выяснению причин напряженности в послевоенном мире, пришел к выводу о банкротстве американской внешней политики и попытался правдиво объяснить, почему Запад, который начал «холодную войну», проигрывает ее¹¹¹.

Неуклонная линия внешней политики СССР, направляемая Коммунистической партией на упрочение всеобщего мира, постоянное подтверждение Советским правительством его верности ленинскому принципу мирного сосуществования, громадные успехи мирного строительства, развитие социалистической демократии в СССР, процветание науки и культуры ежечасно опровергают измышления реакционных буржуазных ученых о «русском духе», о царистских традициях «Третьего Рима» и т. д. Никакая клевета не в силах подорвать международный авторитет Советского Союза, ослабить огромное моральное воздействие первого в мире социалистического государства на освободительные стремления народов мира.

¹⁰⁵ G. Jorré. The Soviet Union. London. 1961, p. 335.

¹⁰⁶ S. Runciman. Op. cit., vol. II, p. 10.

¹⁰⁷ I. Norman. The Spirit of Russian Economics. New York. 1946, p. 146.

¹⁰⁸ См. H. Schwartz. The Red Phoenix. Russia Since World War II. New York. 1961, pp. XI—XII.

¹⁰⁹ «The Sources of Soviet Conduct». «Foreign Affairs», 1947, July, p. 577.

¹¹⁰ G. Kennan. Peaceful Coexistence: A Western View. «Foreign Affairs», 1960, January, p. 171. См. Ю. Жилин. Не ставить преград мирному сосуществованию. «Коммунист», 1960, № 1, стр. 103—112.

¹¹¹ R. Palm Dutt. Cold War Balance-Sheet. «Labour Monthly», 1962, February, p. 61. Приветствовал выход книги Д. Флеминга и леволейбористский публицист Роджер Морган. R. Morgan. It's Time. We Relearned Our Cold War History. «Tribune», 1961, 18 August.